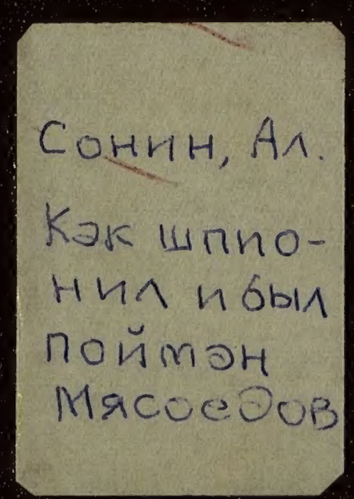
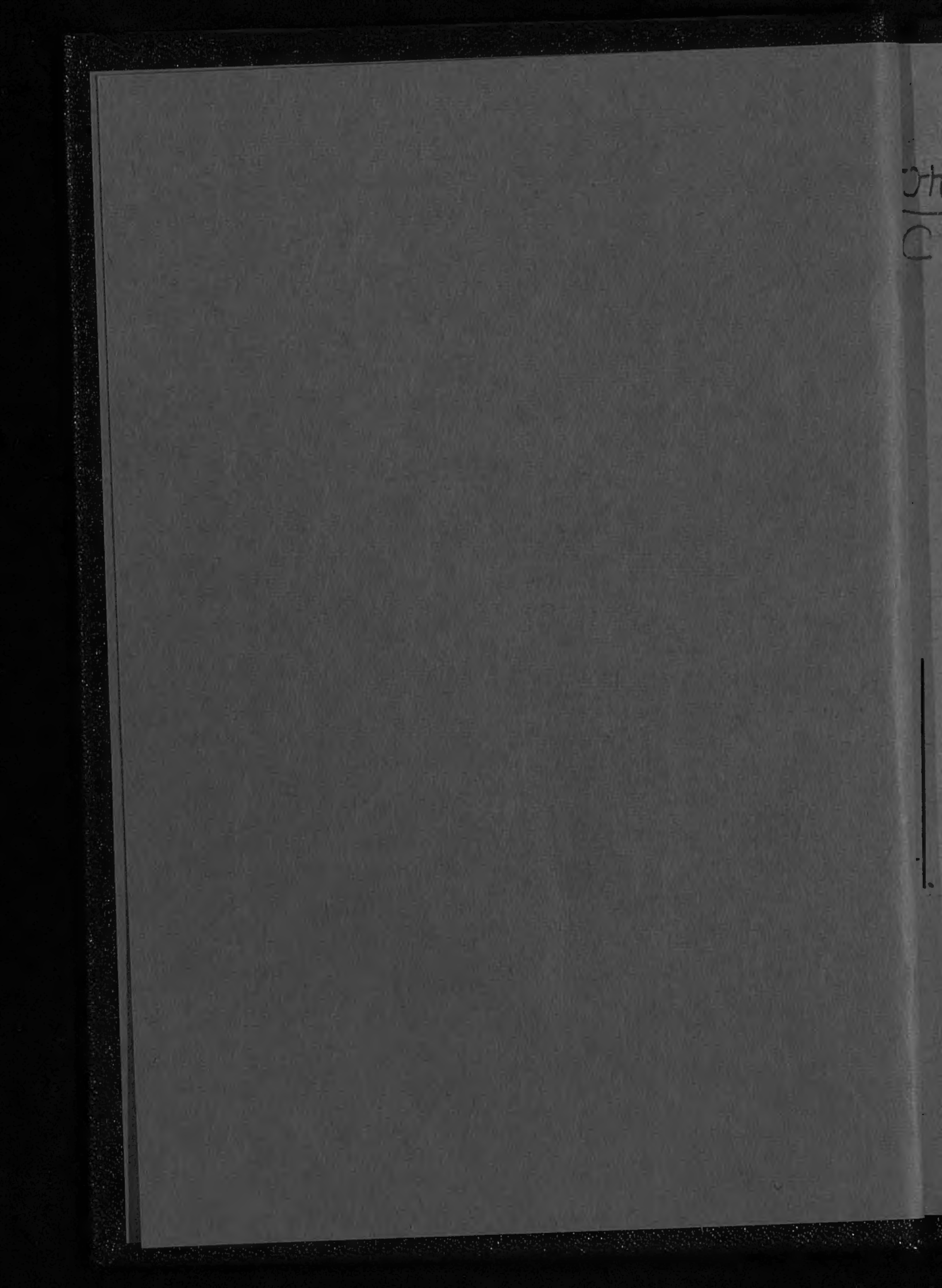

Сонин, Ал.
Как шпио-
нил и был
пойман
Мясоедов

Ал. Сонинъ.

Какъ шпіонилъ и былъ пойманъ Мясоѣдовъ.

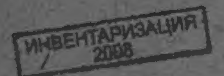
Изданіе объединенныхъ фирмъ

Книжный магазинъ А. А. ИВАСЕНКО
п. ф. „Одесскія Новости"
Дерибасовская, 20. Тел. 24-20.

Книжный магазинъ „ТРУДЪ"
Дерибасовская, 25. Тел. 19-28.

Одесса 1917 г.

Б.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Мясоѣдовъ...

Вотъ имя, вокругъ котораго объединились въ ненависти всѣ русскія сердца.

Вотъ злѣйшій врагъ Россіи, предавшій ея въ самую роковую минуту и черезъ то погубившій ея доблестную армію, лучшихъ полководцевъ, лучшіе планы и лучшія позиціи.

Вотъ человѣкъ, отъ котораго отшатнулись и общество и семья и который на вѣчныя времена покрылъ себя несмываемымъ позоромъ.

Вотъ тотъ, за котораго никто не помолится, никто не обмолвится добрымъ словомъ, никто не пожалѣетъ.

Шпіонъ!

Его всѣ ненавидятъ. Всѣ презираютъ. Всѣ проклинаютъ. И будутъ такъ относиться къ нему изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Объ немъ не стоило бы и писать и говорить. Но „да вѣдаютъ потомки православныхъ людей минувшую судьбу“.

Служба Мясоѣдова.

Мясоѣдовъ поступилъ на службу офицеромъ 14-го августа 1885 года. Черезъ восемь лѣтъ онъ былъ зачисленъ въ корпусъ жандармовъ и, пройдя послѣдовательно рядъ должностей, былъ назначенъ въ 1894 году помощникомъ начальника вержболовскаго отдѣленія желѣзнодорожнаго полицейскаго управленія, а въ 1901 году—начальникомъ этого отдѣленія. Проживая въ Вержболовѣ, онъ женился на дочери выходца изъ Германіи, принявшаго русское подданство, которая тоже была

признана впослѣдствіи виновной въ государственной измѣнѣ и приговорена къ смертной казни.

Въ 1906 году департаментъ полиціи получилъ первыя свѣдѣнія о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ полковника Мясоѣдова, который, по агентурнымъ даннымъ, покровительствовалъ пропагандистамъ, освобождалъ за плату эмигрантовъ и т. д.

Въ 1907 году варшавскій генералъ-губернаторъ сообщилъ объ этомъ Столыпину, прося его замѣнить Мясоѣдова другимъ лицомъ, „болѣе добросовѣстно и умѣло относящимся къ своимъ служебнымъ обязанностямъ".

Столыпинъ приказалъ перевести Мясоѣдова въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи, „не ниже меридіана Самары," чтобы отдалить его отъ прусской границы.

Мясоѣдовъ призналъ такое перемѣщеніе обиднымъ для себя и подалъ въ отставку.

Въ 1909 году Мясоѣдовъ сталъ предсѣдателемъ правленія учрежденнаго имъ сѣверо-западнаго пароходнаго общества, однимъ изъ директоровъ котораго состоялъ, между прочимъ, баронъ Отто Гротгусъ, который впослѣдствіи также былъ обвиненъ въ шпіонствѣ и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ.

Въ время своего предсѣдательства въ означенномъ пароходномъ обществѣ Мясоѣдовъ проявилъ самое активное участіе въ германскомъ шпіонажѣ, такъ что даже обратилъ на себя впослѣдствіи вниманіе государственной власти.

Столыпинъ заинтересовался дѣятельностью бывшаго жандармскаго полковника и назначилъ негласную ревизію его „предательской" дѣятельности. Но о результатахъ сей ревизіи мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ и не узнаемъ никогда, такъ какъ добытыя ревизіей

„матеріалы“ погибли во время перваго покушенія на Столыпина на Аптекарскомъ островѣ.

Одно только извѣстно всѣмъ, что Столыпинъ никогда не переставалъ интересоваться „преступною“ дѣятельностью Мясоѣдова и всегда зорко слѣдилъ за нимъ при помощи жандармскихъ властей.

Это какъ-то сдѣлалось извѣстнымъ Мясоѣдову и онъ при участіи русскихъ нѣмцевъ пытался избавиться отъ зоркаго ока всесильнаго и лично для него опаснаго премьеръ-министра. И, какъ могутъ догадываться читатели, успѣлъ въ этомъ.

Я, лично, нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что покушеніе на жизнь Столыпина было организовано шайкой русскихъ нѣмцевъ во главѣ съ Мясоѣдовымъ. Объ этомъ многіе теперь и пишутъ и говорятъ. Даже въ иностранной прессѣ тоже придерживаются подобнаго рода взгляда.

Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ намъ французская печать:

„Первое покушеніе на Столыпина на Аптекарскомъ островѣ состоялось „случайно“ въ тотъ самый день, когда вернулся въ Петроградъ жандармскій офицеръ, командированный Столыпинымъ въ Эйдкуненъ, чтобы произвести слѣдствіе о дѣятельности Мясоѣдова. Въ это время Мясоѣдовъ былъ отстраненъ отъ службы. Офицеръ, производившій слѣдствіе, былъ убитъ во время взрыва раньше, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать Столыпину докладъ. Смерть жандармскаго офицера спасла Мясоѣдова, снова вернувшагося къ власти.

Когда Столыпинъ прибылъ осенью 1911 года въ Кіевъ, снова начала угрожать опасность Мясоѣдову и всему гнѣзду германскаго шпіонажа, организованнаго

Альтшиллеромъ, бывшимъ въ близкихъ отношеніяхъ съ семьей Сухомлинова, несомнѣнно знавшаго о разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ Гучкову генераломъ Ивановымъ.

„Былъ ли Столыпинъ въ курсѣ разоблаченій о шпіонажѣ или Мясоѣдовы, Сухомлиновы и компанія опасались, что Столыпинъ въ любую минуту узнаетъ объ ихъ предательствѣ, но смертъ Столыпина спасла еще разъ Мясоѣдова и помѣшала раскрытію преступной банды".

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ логическою необходимостью вытекаетъ причастность Мясоѣдова къ убійству Столыпина.

Какъ оно было организовано, кто былъ вдохновителемъ его — теперь почти ничего ие извѣстно объ этомъ. Но въ ближайшемъ будущемъ мы узнаемъ всѣ подробности этого загадочнаго убійства.

Одно только несомнѣнно, что въ заговорѣ на жизнь Столыпина принималъ участіе и всѣмъ извѣстный „старецъ" Распутинъ, который, какъ теперь положительно установлено, тоже былъ однимъ изъ тайныхъ агентовъ германскаго шпіонажа.

Но возвратимся къ дѣятельности Мясоѣдова.

Въ 1909 году въ домѣ сенатора Викторова Мясоѣдовъ познакомился съ генераломъ Сухомлиновымъ и его женой. Отношенія ихъ очень скоро перешли въ интимную дружбу. Вмѣстѣ они проживали па дачѣ въ Карлсбадѣ. Вмѣстѣ встрѣчали Новый годъ. Вмѣстѣ ходили къ общимъ знакомымъ. Вмѣстѣ разбирали секретную переписку государственной важности.

Мясоѣдовъ и Сухомлиновъ.

Какимъ же образомъ Мясоѣдовъ могъ заслужить довѣріе и войти въ близкія сношенія съ бывшимъ военнымъ министромъ, генераломъ Сухомлиновымъ?

Получить какія либо точныя документальныя данныя, которыя бы съ несомнѣнностью разъяснили этотъ вопросъ во всей его полнотѣ, слѣдствію не удалось. Но, останавливаясь на нѣкоторыхъ фактахъ, путемъ логическихъ выводовъ можно придти къ опредѣленному заключенію.

Къ какому же именно? Вотъ объ этомъ и поведемъ свою рѣчь.

Генералъ Сухомлиновъ былъ взяточникъ. Въ этомъ теперь никто не сомнѣвается, ибо это документально доказано. Возмемъ хотя бы такой фактъ:

Въ Кіевѣ слушалось въ военно-окружномъ судѣ одно изъ первыхъ крупныхъ интендантскихъ дѣлъ. Въ числѣ свидѣтелей былъ какой-то генералъ. Интенданты судились за взятки. Въ числѣ доказанныхъ взятокъ была одна, поразившая судей своими крупными размѣрами— взятка въ 160,000 рублей. Судъ задалъ генералу вопросъ:

— Не знаете ли, кому была дана эта взятка?

— Знаю—отвѣтилъ генералъ,—но сказать не могу.

— Но вы присягали только что въ томъ, что покажете по дѣлу сущую правду, не скрывая ничего извѣстнаго вамъ.

— Показать то, что мнѣ извѣстно, мнѣ не дозволяетъ дисциплина.

—Развѣ дисциплина можетъ запретить вамъ исполнитъ тотъ долгъ совѣсти, которому вы только что присягали?

Подумавъ немного, генералъ проситъ позволенія съѣздить къ командующему войсками округа и проситъ его разрѣшенія показать то, что онъ знаетъ.

Командующимъ кіевскимъ округомъ былъ тогда Н. І. Ивановъ, въ началѣ нынѣшней войны состоявшій во главѣ нашей арміи западнаго фронта. Ознакомившись съ инцидентомъ въ судѣ, Н. І. Ивановъ, сказалъ пришедшему къ нему генералу:

— Вы дали присягу показать по совѣсти то, что знаете, и обязаны показать по совѣсти.

Возвращается генералъ въ судъ.

— Командующій войсками разрѣшилъ мнѣ показать все, что я знаю по данному дѣлу.

— Кому же дана была взятка въ 160000 рублей?

— Командующему войсками кіевскаго округа, теперешнему военному министру, генералу Сухомлинову.

Интенданты—взяточники были приговорены къ ссылкѣ, но военный министръ Сухомлиновъ поѣхалъ во дворецъ и выпросилъ у Николая II осужденнымъ амнистію—приговоръ суда произведетъ де дурное впечатлѣніе въ обществѣ, способенъ умалить престижъ арміи.

И всѣ осужденные получили прощеніе.

Другой примѣръ.

По показанію Коломниной, въ связи съ заказами военнаго вѣдомства фирмѣ „Виккерсъ", у Сухомлиновыхъ были куплены за крупную сумму люстра, канделябръ и тарелочки, поддѣланные подъ севрскій фарфоръ. Объ этой покупкѣ говорилъ судебному слѣдователю и князь Андрониковъ.

Исторія съ покупкой люстры неподражаема.

Представитель англійской фирмы долго добивался получить какой-то заказъ. Ему это не удавалось. Вѣроятно потому, что кто-нибудь забѣжалъ ранѣе и успѣлъ что-нибудь пообѣщать. Однако жъ, при свиданіи съ Сухомлиновымъ, представитель фирмы обратилъ вниманіе на люстру, висѣвшую въ гостиной.

— Ваше высокопревосходительство, откуда у васъ такая люстра?

Сухомлиновъ не сразу сообразилъ въ чемъ дѣло. Потомъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Развѣ дѣйствительно старинная? Я не помню, гдѣ мы ее купили.

— Разрѣшите, ваше высокопревосходительство снять вашу люстру и послать въ Парижъ для осмотра специалистами. Это несомнѣнно уника.

Сухомлиновъ милостиво разрѣшилъ. Люстра была снята, а черезъ короткій срокъ представитель фирмы явился и сообщилъ, что въ мірѣ нѣтъ второй подобной люстры и что ее желаютъ во что бы то ни стало перекупить за 200,000 рублей.

Заодно были куплены канделябръ и тарелочки со стѣны, оцѣненныя въ нѣсколько десятковъ тысячъ.

Подруга жены Сухомлинова, подарившая эти тарелочки, узнавъ о покупкѣ, замѣтила:

-- Кто бы могъ думать... Я заплатила за нихъ въ Александровскомъ рынкѣ 15 рублей, а Сухомлиновы продали ихъ за 25,000 рублей. Какіе опытные комерсанты!

Вскорѣ послѣ этого представитель англійской фирмы получилъ отъ Сухомлинова давно желанный заказъ.

Такъ продавались черезъ Сухомлинова подряды и поставки.

Словомъ, Сухомлиновъ былъ взяточникъ. Не мелкій, а крупный, бравшій многими тысячами, почему и называли его въ тайной перепискѣ „тысячникомъ".

Объ этомъ узналъ Мясоѣдовъ и явился къ Сухомлинову какъ разъ въ тотъ моментъ, когда супруги Сухомлиновы особенно нуждались въ деньгахъ. И чуть ли не съ перваго визита предложилъ министру взять у него въ займы любую сумму денегъ.

Съ тѣхъ поръ Сухомлиновъ приблизилъ къ себѣ Мясоѣдова, какъ нужнаго и полезнаго человѣка.

Чтобы тѣснѣе сблизиться съ Сухомлиновымъ, жена Мясоѣдова прибѣгала къ разнымъ хитростямъ.

Такъ, напримѣръ, она, придя однажды къ супругѣ военнаго министра, принесла съ собой дорогую соболью муфту, стоившую около 1,200 рублей и сказала, что ее продаетъ по случаю за 100 рублей.

Жена военнаго министра „воспользовалась случаемъ“ и за 100 рублей пріобрѣла эту муфту.

Вскорѣ послѣ этого отношенія между Сухомлиновымъ и Мясоѣдовымъ стали настолько тѣсны, что новый годъ (1911 г.) Сухомлиновы встрѣчали въ домѣ Мясоѣдова.

По этому поводу близкая родственница Сухомлинова г-жа Коломнина говоритъ, что она настойчиво убѣждала Сухомлинова не сближаться съ Мясоѣдовымъ, такъ какъ послѣдній могъ его скомпрометировать. На это военный министръ отвѣтилъ, что всѣ слухи о Мясоѣдовѣ, какъ о шпіонѣ, не имѣютъ подъ собой никакихъ достаточныхъ основаній.

На новогодней встрѣчѣ у Мясоѣдовыхъ, кромѣ супруговъ Сухомлиновыхъ, присутствовали: германскій подданный Кунье, двоюродный братъ Сухомлиновой Н. М. Гошкевичъ и германскій подданный Валентини, который былъ также принятъ и въ домѣ бывшаго военнаго министра.

По поводу этого собранія Н. М. Гошкевичъ показалъ судебному слѣдователю на допросѣ, что онъ обратилъ вниманіе на служившаго у Мясоѣдова лакея, показавшагося ему очень подозрительнымъ. Лакей прислушивался къ разговорамъ военнаго министра, а Мясоѣдовъ, бесѣдуя съ Сухомлиновымъ, старался все время вести разговоръ на военныя темы.

Когда отношенія Сухомлинова и Мясоѣдова не только окрѣпли, но и пріобрѣли дружественный харак-

теръ, Мясоѣдовъ вновь сталъ просить военнаго министра принять его на службу. И Сухомлиновъ далъ свое принципіальное согласіе.

Когда же узналъ объ этомъ адъютантъ военнаго министра, то немедлено обратилъ вниманіе Сухомлинова на имѣющійся въ департаментѣ полиціи и въ генеральномъ штабѣ матеріалъ, изобличающій Мясоѣдова и характеризующій его какъ провокатора и шпіона.

Сухомлиновъ немедленно потребовалъ послѣ сего заявленія означенный матеріалъ, просмотрѣлъ его и заявилъ, что въ дѣлѣ нѣтъ ничего доказаннаго.

Послѣ этого 28 Сентября 1911 года Мясоѣдовъ, по просьбѣ Сухомлинова, обращенной къ бывшему командиру корпуса жандармовъ Курлову, былъ прикомандированъ къ петроградскому жандармскому управленію съ откомандированіемъ въ распоряженіе военнаго министра.

Узнавъ объ этомъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ счелъ своимъ долгомъ обратить серьезное вниманіе Сухомлинова на опасность такого назначенія Мясоѣдова. Макаровъ предупреждалъ Сухомлинова, что онъ наживетъ съ нимъ много непріятностей. Но доводы Макарова не произвели на Сухомлинова никакого впечатлѣнія, несмотря на то, что Макаровъ представилъ военному министру документальныя данныя о подозрительномъ въ смыслѣ шпіонства поведеніи Мясоѣдова. Сухомлиновъ отвѣтилъ, что если свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ и являются основательными, то Мясоѣдовъ не можетъ быть опаснымъ ни въ какомъ отношеніи, такъ какъ по характеру своихъ служебныхъ обязанностей онъ далекъ отъ всякихъ секретныхъ свѣдѣній.

Макаровъ, не ограничившись устной бесѣдой съ Сухомлиновымъ, прислалъ ему офиціальное письмо секретнаго характера, въ которомъ сообщалъ имѣвшіяся у него данныя о Мясоѣдовѣ. Впослѣдствіи выяснилось, что Сухомлиновъ это письмо Макарова передалъ Мясоѣдову.

При обыскѣ въ квартирѣ жены Мясоѣдова была найдена копія письма, посланнаго Мясоѣдовымъ Сухомлинову. Мясоѣдовъ писалъ:

„Я очень хотѣлъ бы узнать, убѣждены ли вы въ совершенной моей корректности, какъ въ служебномъ отношеніи, такъ равно и относительно тѣхъ вопросовъ, о которыхъ вами писалъ Макаровъ 16 марта. Министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, за меня копій ломать не будетъ, такъ какъ въ кругъ обязанностей департамента полиціи входитъ что угодно, кромѣ выдачи кому либо хорошей аттестаціи, а Макаровъ, котораго я считаю негодяемъ, изъ личной непріязни ко мнѣ дѣлаетъ видъ, что вѣритъ глупостямъ о моей дѣятельности".

Изъ приведенной переписки очевиднымъ становится, что Сухомлиновъ больше довѣрялъ Мясоѣдову, чѣмъ министру внутреннихъ дѣлъ. Вотъ почему письма съ предостереженіями Макарова оставлялись безъ всякаго вниманія и нисколько не вліяли на военнаго министра.

Друзья Мясоѣдова.

Въ протоколахъ слѣдственной комиссіи, разбиравшей дѣло Мясоѣдова, помѣщенъ полный списокъ не только его друзей, но и знакомыхъ. Изъ этого списка, въ свое время опубликованнаго во всѣхъ столичныхъ газетахъ, мы видимъ, что друзьями теперь казненнаго шпіона были исключительно шпіоны. Не только германскіе, но и австрійскіе. Шпіоны большею частью опытные,

долго жившіе въ Россіи, хорошо освѣдомленные во всѣхъ ея секретныхъ дѣлахъ, близко стоявшіе къ коронованымъ особамъ и потому всегда пользовавшіеся у насъ всевозможными льготами и преимуществами, особеннымъ вниманіемъ и постояннымъ покровительствомъ нашего правительства.

Мы назовемъ и охарактеризуемъ слегка нѣкоторыхъ друзей Мясоѣдова, чтобы видѣть, кто его вдохновлялъ и кто руководилъ преступными и позорными его дѣяніями.

Ближайшими, такъ сказать закадычными друзьями Мясоѣдова были: служившій въ интенданствѣ генералъ Грейфанъ, Валентини и нѣкая А. Аурихъ.

Грейфанъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ бывшимъ австрійскимъ агентомъ, графомъ Спаноки, который былъ отозванъ изъ Петрограда, послѣ того, какъ выяснилось, что онъ добывалъ за деньги разные секретные документы, касавшіеся обороны, отъ барона Унгернъ-Штернберга, сосланнаго въ каторжныя работы.

Валентини числился комиссаромъ по поставкѣ аптекарскихъ товаровъ. Въ 1911 году въ военомъ министерствѣ были получены офиціальныя указанія, что Валентини занимается шпіонствомъ. Между тѣмъ Мясоѣдовъ велъ съ нимъ дружбу и постоянно останавливался у него на квартирѣ еще съ 1906 года.

Аурихъ, корреспондентка берлинскихъ газетъ, также находилась въ постоянномъ общеніи съ осужденнымъ шпіономъ, барономъ Унгеръ-Штернбергомъ. По даннымъ военнаго министра, она являлась одной изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудницъ-руководителей нѣмецкаго шпіонажа въ Петроградѣ—совѣтника германскаго посольства фонъ-Люціуса и офицера германскаго генеральнаго шта-

ба Зигфрида Гея, проживавшаго въ нашей столицѣ подъ видомъ представителя одного изъ нѣмецкихъ телеграфныхъ агентствъ.

Объ Альтшиллерѣ, тоже близкомъ другѣ Мясоѣдова, можно сообщить немного больше, чѣмъ о первыхъ трехъ.

Задержать его не удалось. Приблизительно мѣсяца за четыре до начала войны онъ ликвидировалъ всѣ свои дѣла въ Россіи и уѣхалъ за границу. Тамъ онъ купилъ вблизи Вѣны имѣніе, въ которое Сухомлиновъ предполагалъ поѣхать лѣтомъ, причемъ поѣздка предполагалась, какъ установлено слѣдственной комиссіей, 14 іюля 1914 года.

Свою карьеру онъ началъ въ Кіевѣ. Тамъ онъ познакомился и бывалъ запросто у Сухомлинова. И кіевляне недоумѣвали, какъ могъ генералъ-губернаторъ принимать у себя такого темнаго финансоваго дѣльца, про котораго имѣлись агентурныя свѣдѣнія, что онъ занимается шпіонажемъ въ пользу Австріи. Объ этихъ свѣдѣніяхъ зналъ и Сухомлиновъ, такъ какъ онъ въ 1909 году получилъ изъ департамента полиціи такое сообщеніе:

„Альтшиллеръ участвуетъ въ военномъ шпіонажѣ, но трудность доказательства его виновности состоитъ въ томъ, что онъ докладываетъ лично въ Вѣнѣ".

Едва только Сухомлиновъ изъ Кіева былъ переведенъ въ Петроградъ, сначала на постъ начальника генеральнаго штаба, а затѣмъ въ военное министерство, переселился туда и Альтшиллеръ.

По словамъ сына, задержаннаго въ Кіевѣ, мотивомъ этого переселенія было то обстоятельство, что занимаясь поставками для министерства путей сообщенія, отецъ находилъ для себя болѣе удобнымъ жить вблизи центральныхъ установленій.

Поселившись въ Петроградѣ, Альтшиллеръ бывалъ въ домѣ военнаго министра почти ежедневно. Онъ ведетъ хлопоты по разводу нынѣшней жены Сухомлинова съ первымъ мужемъ Бутовичемъ и добивается установленія факта измѣны Бутовича. На свадьбѣ Сухомлинова съ его нынѣшней супругой, Альтшиллеръ присутствовалъ какъ шаферъ.

Чтобы скрыть настоящую свою профессію, Альтшиллеръ открылъ на улицѣ Гоголя контору. Въ этой конторѣ, по словамъ многихъ лицъ, принимались заказы на зачисленія и переводы по военному вѣдомству. Въ конторѣ никакихъ книгъ не велось. Въ числѣ служащихъ значился только одинъ студентъ, получавшій 18 рублей въ мѣсяцъ. Въ контору являлись какія то лица, проходили прямо въ квартиру Альтшиллера, вели тамъ переговоры, писали бумаги, и переговаривались по телефону условнымъ языкомъ.

26 марта 1914 года Альтшиллеръ навсегда оставилъ Петроградъ и поселился близъ Вѣны въ роскошномъ собственномъ имѣніи.

Когда онъ уѣхалъ изъ Петрограда, во всѣхъ кругахъ стали говорить, что онъ шпіонъ. И слухи эти подтвердились послѣ ареста и казни Мясоѣдова, у котораго найдена была переписка, изобличавшая его преступную связь съ Альтшиллеромъ.

Слѣдственная комиссія путемъ документальныхъ данныхъ установила также связь между Сухомлиновымъ и Альтшиллеромъ, которому военный министръ оказывалъ довѣріе не только по дѣламъ личнаго свойства, но и посвящалъ его въ вопросы государственной обороны.

Такъ, напримѣръ, въ 1911 году былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги отъ станціи „Жло-

бинъ“ до румынской границы. По этому вопросу была образована специальная комиссія.*) Подъ давленіемъ Сухомлинова направленіе дороги было неожиданно измѣнено и, согласно новому проэкту, дорога должна была проходить почти исключительно по землямъ члена австрійскаго рейхстага Потоцкаго. Проектъ, конечно былъ абсурдный и стоялъвъ явномъ противорѣчіи съ государственными интересами.Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что нашлись ярые противники его. Такъ, гласный волынскаго губернскаго земства Добрынинъ, участвовавшій въ этой комиссіи, протестовалъ противъ измѣненія этого проекта. Онъ поѣхалъ въ Петроградъ для личныхъ переговоровъ съ Сухомлиновымъ. Сухомлиновъ принялъ его очень сухо и даже враждебно. Тогда Добрынинъ, зная отношенія Сухомлинова къ Альтшиллеру, зашелъ къ послѣднему, чтобы черезъ него узнать настоящее мнѣніе военнаго министра по данному вопросу. Изъ бесѣды съ Альтшиллеромъ Добрынинъ убѣдился, что Альтшиллеръ былъ освѣдомленъ о пріемѣ Добрынина у Сухомлинова во всѣхъ подробностяхъ. Удивленный Добрынинъ сталъ наводить справки. Оказалось, что при Альтшиллерѣ всегда велись бесѣды на военныя темы, которыя Альтшиллеръ предпочиталъ всякимъ другимъ. Особенно часто говорилось при немъ по поводу предпологавшагося упраздненія крѣпостей и о планѣ возможной войны. Во время такихъ бесѣдъ въ домѣ военнаго министра постоянно бывали Альтшиллеръ и Мясоѣдовъ.

Свѣдѣнія о шпіонствѣ Альтшиллера дошли до министерства внутреннихъ дѣлъ. Сенаторъ Макаровъ, узнавъ, что Альтшиллеръ хорошо принятъ у Сухомли-

*) Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія почерпнуты нами изъ слѣдственнаго дѣла, напечатаннаго въ „Русскомъ Словѣ“.

нова, обратилъ на это вниманіе послѣдняго, на что получилъ отвѣтъ, что военный министръ знаетъ Альтшиллера десятки лѣтъ и можетъ поручиться за него, какъ за человѣка вполнѣ порядочнаго.

Правой рукою Альтшиллера и горячимъ другомъ Мясоѣдова былъ еще Гошкевичъ. Онъ завѣдывалъ „конторой" южно-русскаго завода Альтшиллера. Всѣ нити шпіонажа сосредоточивались въ его рукахъ. Черезъ него дѣйствовали Мясоѣдовъ и Альтшиллеръ, а самъ Гошкевичъ работалъ, пользуясь покровительствомъ мужа своей сестры, военнаго министра Сухомлинова.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи дѣятельности Мясоѣдова выяснилось, что онъ еще былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Веллеромъ, тоже бывшимъ шпіономъ и осужденнымъ въ 1915 году. При обыскѣ у Веллера было найдено 40 экземпляровъ всевозможныхъ копій секретныхъ документовъ военнаго вѣдомства и министерства торговли. Нѣкоторые документы были переведены на нѣмецкій языкъ. Между прочимъ, было установлено, что Веллеръ въ 1911 году проживалъ въ одномъ домѣ съ бывшимъ совѣтникомъ германскаго посольства въ Петроградѣ фонъ-Люціусомъ. Тотъ же Веллеръ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ корреспондентомъ берлинской газеты, германскимъ подданымъ Полли-Полагикомъ, который былъ извѣстенъ, какъ секретный агентъ германскаго и австрійскаго правительствъ по военному и дипломатическому шпіонажу. При обыскѣ у Полли было найдено большое количество брошюръ и чертежей секретнаго характера. Весной 1914 года, когда до Полли—Полагика дошли свѣдѣнія, что въ военномъ министерствѣ его считаютъ шпіономъ, онъ обратился къ Сухомлинову съ требованіемъ реабилитировать его. Сухомлиновъ

вызвалъ его, любезно разговаривалъ съ нимъ и увѣрилъ, что онъ самъ разслѣдовалъ дѣло и ничего неблагопріятнаго о Полли не узналъ.

Въ числѣ бумагъ, найденныхъ у Полли, и о которыхъ Сухомлиновъ былъ освѣдомленъ, находилось слѣдующее письмо на имя принца Фюрстенберга, посланника Австро-Венгріи въ Бухарестѣ.

„Свѣтлѣйшій принцъ, высокоуважаемый покровитель! Осмѣливаюсь сегодня снова почтительнѣйше обратиться съ просьбой къ вашей свѣтлости. Вакансія петербургскаго представителя „Correspondenz Bureau“, освободившаяся вслѣдствіе катастрофы, которая постигла несчастнаго барона Унгернъ—Штернберга, до сихъ поръ не занята. Насколько мало я хотѣлъ бы извлечь пользу изъ несчастья другого въ ущербъ ему, настолько же является невозможнымъ возстановленіе Унгернъ—Штернберга въ прежней должности, даже если ему удастся въ недалекомъ будущемъ получить ожидаемое помилованіе. Какъ вы, ваша свѣтлость, знаете, я являюсь старшимъ въ моей здѣшней дѣятельности. Могу похвастать довѣріемъ бѣднаго графа Эренталя. У меня есть то преимущество, что я извѣстенъ вашей свѣтлости и имѣлъ честь вѣрно служить нынѣшнему министру иностранныхъ дѣлъ графу Берхтольду въ бытность его здѣшнимъ посломъ. Онъ часто во мнѣ нуждался. Слава Богу, я не русскій подданный нѣмецко-венгерскаго происхожденія, а о моихъ способностяхъ для исполненія обязанностей, связанныхъ съ означенной должностью, вы имѣете самое компетентное мнѣніе. Осмѣливаюсь указать на мое хорошее знакомство съ условіями страны и языкомъ, а также на долголѣтнія самыя лучшія и многочисленныя связи. Если бы ваша свѣтлость пожелали вставить ваше

вѣское слово въ рѣшительный моментъ, то я заранѣе увѣренъ въ удачномъ результатѣ. Я убѣжденъ, что могу оказать австро-венгерскому правительству истинно-полезныя услуги.

Ясно, что весной 1914 года, т. е. въ то время, когда Полли-Полагикъ былъ реабилитированъ Сухомлиновымъ, послѣднiй имѣлъ документальныя данныя о преступной дѣятельности Полли-Полагика.

Наконецъ, однимъ „изъ стаи славныхъ" Мясоѣдовскихъ друзей былъ еще В. Г. Ивановъ.

В. Ивановъ также оказался шпiономъ. Въ апрѣлѣ 1915 года онъ былъ изъятъ изъ армiи, а потомъ арестованъ и преданъ суду. При обыскѣ у него были обнаружены карты и планы пограничныхъ мѣстностей россiйской имперiи, разные документы, относящiеся къ вооруженiю крѣпостей, свѣтокопiи плановъ нѣкоторыхъ фортовъ и т. д. Нѣкоторые документы относятся къ числу самыхъ секретныхъ. Въ частности, относительно свѣтокопiй специалисты заявили, что планы имѣютъ столь великое значенiе, что пользоваться ими можно лишь въ тѣхъ помѣщенiяхъ, гдѣ храненiе нашихъ плановъ дозволено по правиламъ, особо для сего изданнымъ.

Таковы друзья Мясоѣдова. Уже изъ бѣглаго очерка ихъ преступной дѣятельности можно видѣть, что это самые настоящiе шпiоны, служившiе во вредъ русскому государству. А если такъ, то, значитъ, и самъ Мясоѣдовъ былъ предателемъ и шпiономъ.

И слухи объ этомъ стали циркулировать по Петрограду. Дошли они и до Государственной Думы. Здѣсь говорили, что Сухомлиновъ допускаетъ Мясоѣдова къ наиболѣе секретнымъ дѣламъ, имѣющимъ непосредственное отношенiе къ государственной оборонѣ.

А тутъ въ газетахъ появились статьи, въ которыхъ сообщалось, что въ распоряженіи военнаго министра находится полковникъ Мясоѣдовъ, который служитъ дѣлу шпіонажа, сообщая иностраннымъ правительствамъ секретныя свѣдѣнія, добываемыя имъ въ одномъ изъ учрежденій военнаго министерства.

Членъ Государственной Думы Я. И. Гучковъ на страницахъ газетъ заявилъ то же самое. Онъ указывалъ, что вскорѣ послѣ допущенія Мясоѣдова къ занятіямъ въ военномъ вѣдомствѣ одна изъ сосѣднихъ державъ стала значительно освѣдомленнѣе о нашихъ военныхъ дѣлахъ, чѣмъ раньше. Между прочимъ, любопытную исторію разсказалъ Гучковъ объ интересѣ къ русскимъ военнымъ дѣламъ друга Мясоѣдова, Альтшиллера. По его словамъ, какъ—то, когда супруга военнаго министра была больная, около ея постели собралась обычная компанія. Тутъ за столомъ сидѣлъ Сухомлиновъ и просматривалъ лежащія передъ нимъ секретныя бумаги военнаго вѣдомства. Въ это время вошелъ вѣстовой и доложилъ министру, что его зовутъ къ телефону. Липъ только Сухомлиновъ вышелъ изъ комнаты, какъ Альтшиллеръ подошелъ къ оставленнымъ бумагамъ и, стараясь быть незамѣченнымъ, пробѣжалъ открытую страницу и сдѣлалъ попытку перевернуть ее. Въ этотъ моментъ къ нему приблизился одинъ изъ находившихся въ спальнѣ военныхъ и, положивъ руку на бумагу, сказалъ: „Извините, это бумаги военнаго министра". Тогда Альтшиллеръ отошелъ отъ стола и спокойно продолжалъ свою прогулку по комнатѣ.

Затѣмъ Гучковъ повѣдалъ нѣсколько словъ о подозрительной дѣятельности отставного капитана Михайлова, который поддерживалъ въ 1909 году знакомство съ барономъ Унгертъ—Штернбергомъ, обѣщая послѣднему

добыть секретное приложеніе къ военному бюджету. Въ 1910 году Михайловъ поступилъ на службу въ канцелярію Государственной Думы и работалъ тамъ въ качествѣ дѣлопроизводителя государственной обороны.

Вскорѣ Гучковъ вмѣстѣ съ Крупенскимъ получилъ свѣдѣнія, что Михайлова не слѣдуетъ допускать къ секретнымъ дѣламъ. Объ этомъ Крупенскій доложилъ Сухомлинову и предсѣдателю Государственной Думы. Сухомлиновъ отвѣтилъ: „Михайловыхъ много, какъ его имя?". И никакихъ мѣръ не принялъ.

Тогда Гучковъ, наблюдая за Михайловымъ, обратилъ вниманіе на то, что Михайловъ проявлялъ особый интересъ къ дѣламъ, хранившимся въ секретномъ шкапу комиссіи обороны. И, находя это въ высшей степени подозрительнымъ, заявилъ Михайлову, что онъ предполагаетъ его уволить, но предоставляетъ ему нѣкоторое время для подысканія себѣ мѣста. Сначала Михайловъ согласился, а черезъ нѣкоторое время не только отказался подать прошеніе, но еще повелъ компанію противъ предсѣдателя и нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы, обвиняя ихъ въ младотуречествѣ.

Затѣмъ Гучковъ сообщилъ, что въ концѣ 1911 года онъ узналъ изъ источника, не подлежащаго никакому сомнѣнію, что австрійскому шпіонажу въ Петроградѣ удалось достигнуть близкихъ отношеній къ Сухомлинову, и что не было тѣхъ военныхъ тайнъ, вплоть до разговора Сухомлинова съ царемъ, какія не были бы извѣстны австрійскимъ агентамъ. Между прочимъ, когда весной 1914 года въ Австріи распространились слухи, якобы объ усиленной подготовкѣ Россіи къ войнѣ, австрійскому военному министру были доставлены документальныя данныя, опровергающія эти слухи.

Эти свѣдѣнія произвели на членовъ Думы ошеломляющее впечатлѣніе.

Наконецъ, А. И. Гучковъ, какъ предсѣдатель комиссіи по оборонѣ, сообщилъ 14 апрѣля военному министру Сухомлинову, что комиссія выражаетъ желаніе выслушать его объясненія по поводу циркулирующихъ въ обществѣ слуховъ. Въ силу этого сообщенія, Сухомлиновъ обратился къ генералу Жилинскому съ письмомъ, поручая ему произвести разслѣдованіе для выясненія вопроса, были ли дѣйствительно случаи добыванія Мясоѣдовымъ какихъ-либо секретныхъ документовъ. Одновременно Сухомлиновъ обратился съ такими же письмами къ командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ генералу Толмачеву и къ главному военному прокурору.

Съ внѣшней стороны казалось, что бывшій военный министръ хотѣлъ совершенно искренно разслѣдовать указанныя въ газетныхъ статьяхъ обстоятельства шпіонской дѣятельности Мясоѣдова. Однако черезъ три дня тотъ же Сухомлиновъ обратился къ Генералу Толмачеву съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Состоящій въ моемъ распоряженіи подполковникъ Мясоѣдовъ возлагаемыя мною на него порученія исполнялъ всегда съ тактомъ, выдержкой и толково. Считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что работою и исполнительностью его, Мясоѣдова, я былъ всегда очень доволенъ и надѣюсь, что возведенное на него обвиненіе будетъ скоро выяснено и въ пользу Мясоѣдова“.

Это письмо являлось, конечно предрѣшеніемъ возбужденнаго разслѣдованія и отъ всѣхъ трехъ лицъ, которымъ Сухомлиновъ поручилъ навести справку о Мясоѣдовѣ, получился послѣ письма его къ генералу Толмачеву отвѣтъ, что ничего предосудительнаго о Мясоѣдовѣ не

собрано. Эти свѣдѣнія Сухомлиновъ представилъ комиссіи Государственной Думы, гдѣ, кромѣ того, заявилъ, что всѣ возводимыя на Мясоѣдова обвиненія неосновательны, что онъ знаетъ Мясоѣдова съ самой лучшей стороны и считаетъ его полезнымъ и способнымъ офицеромъ. Это было 19 апрѣля 1912 года.

Не ограничившись своимъ выступленіемъ въ Государственной Думѣ, Сухомлиновъ приказалъ еще составить офиціальное опроверженіе отъ имени военнаго министра, въ которомъ указывалъ, что всѣ слухи о предосудительныхъ дѣйствіяхъ Мясоѣдова рѣшительно ни на чемъ не основаны. Въ опроверженіи, между прочимъ, говорилось, что если бы о Мясоѣдовѣ по предыдушей его дѣятельности имѣлись дѣйствительно неблагопріятныя свѣдѣнія, то зачисленіе его вновь на службу не могло бы состояться.

Какія же порученія исполнялъ Мясоѣдовъ у Сухомлинова? Вотъ что онъ самъ писалъ въ своемъ письмѣ на имя министра 16 іюня 1912 года:

„Мнѣ кажется, что всѣ ваши порученія я дѣйствительно исполнялъ безупречно, а нѣкоторыя изъ нихъ были весьма важны. Между тѣмъ, вы какъ будто хотите ихъ забыть, перечисляя порученія, которыя мнѣ пришлось выполнить. Вы передали мнѣ надзоръ за революціоннымъ движеніемъ въ арміи. Поручили мнѣ составить записку объ упорядоченіи вопроса о цензурѣ въ генеральномъ штабѣ. Поручили мнѣ докладывать вамъ важную секретную переписку. Вручили мнѣ для передачи начальнику генеральнаго штаба почти незаклеенный конвертъ съ чрезвычайно важнымъ протоколомъ соглашенія съ Франціей, который, по вашимъ словамъ, вы не могли довѣрить даже фельдъегерю.

Между прочимъ выяснена одна любопытная деталь. Именно: официальное опроверженіе отъ имени военнаго министра было вызвано требованіемъ самого Мясоѣдова. Онъ писалъ Сухомлинову по этому вопросу слѣдующее:

„На службѣ я состоялъ при васъ, и поэтому офиціальная реабилитація моего имени должна исходить отъ васъ же. Я полагалъ бы, что опроверженіе должно состоять изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) аттестація, данная мнѣ генераломъ Курловымъ, опровергающая слухи о томъ, что я былъ уволенъ изъ корпуса жандармовъ за неблаговидные поступки; 2) реабилитація моя въ самой категорической формѣ по обвиненію меня въ выдачѣ секретныхъ документовъ и военныхъ тайнъ иностраннымъ государствамъ; 3) аттестація мнѣ за время службы при военномъ министрѣ. Такъ какъ военное министерство не выступило немедленно съ разъясненіями и опроверженіемъ, я долженъ былъ вызвать Гучкова на дуэль. Всякое дальнѣйшее замедленіе напечатанія опроверженія оттолкнетъ отъ васъ преданныхъ вамъ подчиненныхъ“.

Скандалъ съ разоблаченіемъ Мясоѣдова получался настолько большой, что Сухомлиновъ уже ничего не могъ сдѣлать и долженъ былъ, скрѣпя сердце, уволить Мясоѣдова отъ службы въ апрѣлѣ 1912 года.

Мясоѣдовъ въ арміи.

Послѣ увольненія отъ службы, отношенія между Сухомлиновымъ и Мясоѣдовымъ сдѣлались натянутыми, сухо-официальными. Несмотря однако на это, Мясоѣдовъ, какъ только была объявлена война, просилъ военнаго министра назначить его въ дѣйствующую армію. Генералъ

Сухомлиновъ отвѣтилъ ему письмомъ, что „онъ не имѣетъ препятствій къ принятію Мясоѣдова въ дѣйствующую армію“.

Съ этимъ письмомъ Мясоѣдовъ обратился путемъ прошеній и телеграммъ къ Курлову, Ренненкампфу и другимъ генераламъ, ходатайствуя о зачисленіи его въ дѣйствующую армію, прося, если возможно, назначить его для военной развѣдки въ Восточную Пруссію. Между прочимъ Мясоѣдовъ лично обращался и къ генералу Рузскому, отъ котораго, однако, получилъ на свою просьбу весьма уклончивый отвѣтъ.

Въ это время въ штабѣ сѣверо-западнаго фронта находился служившій въ 10-й арміи генералъ Обашелидзе. Мясоѣдовъ обратился къ нему и 1 ноября 1914 года онъ былъ зачисленъ въ штабъ 10-й арміи, гдѣ былъ назначенъ переводчикомъ. На самомъ же дѣлѣ на него была возложена тайная развѣдка германскихъ войскъ. Мясоѣдовъ попалъ въ свою сферу: ему были открыты всѣ карты. И онъ, по выраженію Ксюнина, сталъ продавать русскую армію уже не въ розницу, а оптомъ.

Первыя опредѣленныя свѣдѣнія о шпіонской дѣятельности Мясоѣдова получены были отъ вернувшагося изъ германскаго плѣна Кулаковскаго, поручика 23-го пѣхотнаго Низовскаго полка.

Самъ Кулаковскій разсказывалъ о поимкѣ имъ Мясоѣдова такимъ образомъ.*)

„Я попалъ въ плѣнъ къ германцамъ въ самомъ началѣ войны. И съ первыхъ же дней сталъ подумывать о томъ, какъ бы убѣжать изъ плѣна. И рѣшилъ, дай-ка

*) Передаемъ со словъ Ксюнина. Новое Время. 1917 г. 9 марта.

притворюсь мазепинцемъ, ярымъ ненавистникомъ Россіи и изъявлю свое желаніе послужить Германіи и принять участіе въ военной развѣдкѣ въ Россіи. И въ теченіи какого-нибудь мѣсяца я такъ съумѣлъ убѣдить окружающихъ меня военныхъ въ искренности своихъ стремленій послужить Германіи, что мнѣ безусловно повѣрили и вскорѣ отвезли въ Алленштейнъ, гдѣ въ самомъ штабѣ бесѣдовалъ съ завѣдующимъ развѣдкой, съ капитаномъ Скопникомъ, на котораго, очевидно, я произвелъ впечатлѣніе человѣка, вполнѣ преданнаго Германіи. Изъ Алленштейна меня повезли въ Инстербургъ, въ штабъ германской арміи. Здѣсь со мною бесѣдовалъ германскій лейтенантъ Бауэрмейстеръ, который очень хорошо говорилъ по русски. Этотъ Бауэрмейстеръ сказалъ, что онъ долгое время жилъ въ Петроградѣ вмѣстѣ со своими двумя братьями. Третій же братъ недавно убитъ во время текущей войны. Это обстоятельство нашло себѣ полное подтвержденіе въ письмахъ, написанныхъ во время войны сестрой Бауэрмейстера къ своей гувернанткѣ Сгунеръ.

Въ разговорѣ съ Бауэрмейстеромъ я настолько убѣдительно говорилъ о своемъ желаніи служить Германіи, что тотъ повѣрилъ мнѣ и при обсужденіи условій предстоящей моей работы на пользу Германіи сказалъ: „Уже въ теченіе пяти лѣтъ мы работаемъ съ вашимъ полковникомъ. Отъ этого и ему хорошо и намъ хорошо".

Я недоумѣвалъ, кто бы это могъ быть, когда же на слѣдующій день самъ Бауэрмейстеръ сказалъ мнѣ, что упомянутый имъ полковникъ — это Мясоѣдовъ, который еще раньше, служа въ Вержболовѣ, оказывалъ большія услуги германскому правительству, пропуская черезъ границу шпіоновъ и содѣйствуя провозу секретныхъ бумагъ. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что вся

семья Бауэрмейстера была въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Мясоѣдовымъ, съ которымъ и работала въ пользу германскаго шпіонажа. Мать Бауэрмейстера неоднократно провозила черезъ Вержболово въ Германію документы военнаго характера.

Черезъ нѣкоторое время, числа 10 или 11 декабря 1914 года, меня привезли въ Берлинъ, къ брату Бауэрмейстра. Здѣсь снабдили меня деньгами, паспортомъ для возвращенія въ Германію, условнымъ шифромъ для телеграфированія, причемъ адресъ для телеграммъ былъ данъ такой: „Christiania Patt“, а затѣмъ отправили въ Швецію. 12 декабря я пріѣхалъ въ Стокгольмъ и сейчасъ же пошелъ къ нашему военному агенту и разсказалъ ему все видѣнное и слышанное. Военный агентъ съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ моему разсказу, передалъ мои свѣдѣнія въ главный штабъ, въ которомъ я и былъ допрошенъ по пріѣздѣ въ Петроградъ.

При допросѣ Кулаковскій сообщилъ еще нѣсколько интереснѣйшихъ данныхъ.

Такъ, оказывается, что ему, Кулаковскому, было дано выполнить еще нѣсколько порученій, причемъ одно изъ нихъ заключалось въ томъ, чтобы убить великаго князя Николая Николаевича, такъ какъ, по словамъ германцевъ: „онъ душа арміи“. Правильность этого показанія нашла себѣ подтвержденіе въ томъ, что, какъ выяснилось по другому дѣлу о шпіонѣ Руцинскомъ, послѣднему также поручено было убить верховнаго главнокомандующаго за 1 милліонъ рублей. Изъ этихъ денегъ 500,000 рублей давала Австрія, а 500,000 Германія. Руцинскій былъ простой рабочій. Кулаковскій не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній и объ этомъ дѣлѣ раньше ничего не зналъ.

Далѣе, Кулаковскому было приказано произвести попытку взорвать мосты у Варшавы. Но передъ самымъ его отъѣздомъ изъ Германіи это порученіе было отмѣнено съ объясненіемъ, что оно возложено на другихъ лицъ. Между прочимъ, дѣйствительно 16 декабря, вблизи Варшавы совершено было покушеніе на взрывъ мостовъ, о чемъ Кулаковскій не могъ имѣть никакихъ указаній, такъ какъ онъ самъ прибылъ въ Петроградъ только на слѣдующій день послѣ этого событія, т. е. 17 декабря.

Главнымъ же образомъ Кулаковскому было поручено узнать планы и настроенія въ высшихъ военныхъ и придворныхъ кругахъ русскаго общества въ связи съ войною. Слѣдуетъ замѣтить, что, какъ выяснилось по другимъ дѣламъ, непріятель интересовался именно такими свѣдѣніями, и порученія добыть такія свѣдѣнія давались и другимъ лицамъ.

Для того, чтобы Кулаковскій могъ успѣшнѣе выполнить порученія по собиранію нужныхъ германцамъ свѣдѣній, Бауэрмейстеръ рекомендовалъ ему по прибытіи въ Петроградъ повидаться съ Мясоѣдовымъ, котораго, по словамъ Бауэрмейстера, Кулаковскій могъ встрѣтить въ одномъ изъ ресторановъ, гдѣ Мясоѣдовъ часто бывалъ.

Слѣдствіемъ установлено, что Мясоѣдовъ дѣйствительно большую часть времени проводилъ въ ресторанахъ, изъ-за чего у него, между прочимъ, произошла ссора съ близкой ему дамой, Столбиной. Эти обстоятельства говорятъ о томъ, что Бауэрмейстеръ хорошо зналъ, какъ самаго Мясоѣдова, такъ и образъ его жизни, и что Кулаковскій, совершенно не знавшій Мясоѣдова, не имѣлъ возможности самъ придумать этого и, очевидно, узналъ объ этомъ отъ Бауэрмейстера.

Послѣ полученія отъ Кулаковскаго всѣхъ вышеприведенныхъ свѣдѣній, состоявшій въ то время на службѣ въ штабѣ 10-й арміи Мясоѣдовъ былъ сейчасъ же отозванъ изъ командировки въ Восточной Пруссіи и былъ посланъ въ районъ Ковны, гдѣ его дѣятельность не могла болѣе приносить вреда, причемъ за его дѣйствіями было поручено наблюдать нѣкоему Дистергофу.

Дистергофу также все поведеніе показалось весьма подозрительнымъ. Такъ, напримѣръ, Мясоѣдовъ весьма интересовался расположеніемъ русскихъ войскъ, хотя эти свѣдѣнія совершенно не были нужны тому, кто старался изучить расположеніе непріятеля. Говорилъ также, что онъ любитъ и уважаетъ нѣмцевъ и въ прозрачныхъ выраженіяхъ даже предлагалъ Дистергофу служить на пользу Германіи.

Письма, получаемыя Мясоѣдовымъ, перехватывались Дистергофомъ и перечитывались. И оказалось, что 14 февраля 1915 года Мясоѣдовъ получилъ два письма. Одно отъ жены, а второе, переданное ему не по почтѣ, какъ потомъ успѣлъ прочесть Дистергофъ, исходило отъ „преданнаго Бориса“. Содержаніе его было условно. Въ письмѣ этомъ Борисъ (какъ потомъ оказалось Фрейдбергъ) приглашаетъ Мясоѣдова непремѣнно явиться въ Ригу, но не раньше двадцатыхъ чиселъ, и проситъ „телеграфировать согласіе въ Либаву, что симъ подтверждаю“ и „что подписи вашей не нужно“, добавляя при этомъ, что, такъ какъ „документы Роберта будутъ готовы только къ 20 с. м., то не имѣетъ смысла ѣхать раньше“.

Мясоѣдовъ, котораго „Борисъ“ приглашалъ въ Ригу, сказалъ Дистергофу, что ему нужно съѣздить въ Вильну. Кромѣ того, все время послѣ полученія этого письма Мясоѣдовъ сталъ говорить Дистергофу, что ему нужно съѣздить въ деревню Дембову-Буду и узнать отъ казачьяго полковника „наше положеніе“. 18 февраля Мясоѣдовъ подъ предлогомъ поѣздки для свиданія съ подчиненнымъ ему агентомъ (свиданіе совершенно безцѣльное, такъ какъ тотъ только наканунѣ успѣлъ прибыть

къ своему мѣсту и поэтому, конечно, не могъ еще собрать никакихъ свѣдѣній), выѣхалъ съ Дистергофомъ въ Дембову-Буду, и зашелъ тамъ въ штабъ какой-то дивизіи.

Такъ какъ оказалось, что нужный ему казачій полковникъ уѣхалъ уже впередъ, то Мясоѣдовъ съ однимъ капитаномъ генеральнаго штаба отправился на передовыя позиціи, гдѣ этотъ офицеръ что--то объяснялъ ему и показывалъ на картѣ. Дистергофъ понялъ всю эту поѣздку, совершенно безполезную съ точки зрѣнія развѣдки расположенія германскихъ войскъ, въ томъ смыслѣ, что Мясоѣдовъ, получивъ письмо „Бориса“, и собираясь по этому письму ѣхать въ Ригу въ двадцатыхъ числахъ,--когда должны были быть готовыми и „документы Роберта“,—отправился предварительно въ Дембову--Буду для собранія нужныхъ для этой поѣздки свѣдѣній о расположеніи въ этомъ районѣ русскихъ войскъ.

Въ тотъ же день, т. е. 18 февраля, по возвращеніи въ Ковну, Мясоѣдовъ былъ арестованъ.

Мясоѣдовъ вполнѣ довѣрялъ Дистергофу, который въ теченіе того времени, которое онъ провелъ у него, какъ его помощникъ, вполнѣ съумѣлъ войти въ его довѣріе. Довѣріе это было настолько полнымъ, что Мясоѣдовъ не стѣснялся разсказывать Дистергофу такіе факты изъ своей жизни, которые, очевидно, ему слѣдовало бы скрывать, какъ напримѣръ, что онъ съ солдатами—развѣдчиками, подъ предлогомъ развѣдки, выѣжалъ на передовыя позиціи и похищалъ тамъ въ Восточной Пруссіи различныя цѣнныя вещи. Въ числѣ похищенныхъ вещей былъ столикъ и двѣ какихъ-то старинныхъ картины. Изъ нихъ одна голова старика. Вещи эти Мясоѣдовъ, какъ онъ самъ разсказывалъ Дистергофу, кому—то отослалъ. Послѣднее показаніе Дистергофа заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ давая его, Дистергофъ не могъ знать, что впослѣдствіи, при обыскѣ у Столбиной, будутъ найдены письма къ ней Мясоѣдова изъ дѣйствующей арміи. Помѣчая письма январемъ 1915 года, въ одномъ изъ нихъ онъ сообщаетъ о высылкѣ ей столика и двухъ картинъ и

проситъ выяснить между прочимъ цѣнность картины—портрета старика.

Послѣ ареста Мясоѣдова, сейчасъ же произвели обыскъ у него на квартирѣ. Причемъ, при осмотрѣ было обращено вниманіе на то, что въ его кабинетѣ на видномъ мѣстѣ висѣлъ большой портретъ имератора Вильгельма II съ собственноручною подписью. Выяснилось также, что въ 1905 году Мясоѣдовъ былъ приглашенъ германскимъ императоромъ въ имѣніе Роминтенъ, расположенное въ 15 верстахъ отъ границы, гдѣ Мясоѣдовъ присутстовалъ на богослуженіи и обѣдѣ. Вильгельмъ, встрѣтивъ Мясоѣдова, заявилъ ему, что онъ очень радъ снова его видѣть. Во время обѣда, на которомъ присутствовала императрица, принцесса Луиза, министръ Подбѣльскій и другія близкія къ императору лица, Вильгельмъ поднялъ бокалъ и пилъ за здоровье Мясоѣдова.

Послѣ этого всякія сомнѣнія въ шпіонажѣ Мясоѣдова разсѣялись сами собою.

Казнь Мясоѣдова.

Объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ суду надъ Мясоѣдовымъ, и о послѣднихъ часахъ жизни измѣнника намъ извѣстно сравнительно мало.

„Солдатское Слово" знакомитъ съ сообщеніемъ по этому вопросу человѣка, видѣвшаго Мясоѣдова незадолго передъ судебнымъ разбирательствомъ, а затѣмъ за полчаса до смерти.

Офицеръ, по дисциплинарному дѣлу заключенный въ одну изъ камеръ Александровской гауптвахты въ Варшавѣ, нынѣ возстановленный во всѣхъ правахъ, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее:

„Дверь моей камеры выходила на небольшую площадку, съ одной стороны которой шла лѣстница въ нижній этажъ, а съ другой—находился небольшой корридоръ, на который выходили двери другихъ камеръ.

Во всѣхъ камерахъ двери были совершенно глухія, а въ моей было продѣлано, видимо раньше, небольшое.

послѣ заколоченное отверстіе. Въ этой новой обшивкѣ двери образовалась щель, давшая мнѣ возможность видѣть Мясоѣдова въ послѣдніе часы и минуты его жизни.

Однако-жъ, около 11 часовъ вечера, на лѣстницѣ раздался шумъ, и скоро снизу показалось нѣсколько человѣкъ. Вели Мясоѣдова.

Онъ былъ совершенно не похожъ на того щегольскаго, развязнаго, цинично-жандармскаго офицера, котораго мы видѣли недѣли двѣ тому назадъ. Блѣдный, со смутнымъ взглядомъ, съ низко опущенной головой, въ растегнутомъ кителѣ, Мясоѣдовъ тяжело поднимался по лѣстницѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ и смотрителя гауптвахты, капитана С.

Не глядя по сторонамъ, онъ прошелъ мимо меня въ камеру, помѣщавшуюся противъ моей, и черезъ открытую настежъ дверь этой камеры мнѣ было видно, какъ онъ тяжело опустился на стоявшій возлѣ стола табуретъ и схватился руками за голову.

Съ этого момента дверь камеры Мясоѣдова не закрывалась до отправленія его къ мѣсту казни, которая состоялась на разсвѣтѣ. Тюремная администрація, боясь попытки на самоубійство, оставила двери его камеры открытой, чтобы при первомъ движеніи Мясоѣдова могла быть оказана извнѣ помощь жандарму, стоявшему въ дверяхъ камеры съ шашкой наголо.

Минутъ черезъ двадцать послѣ прибытія Мясоѣдова, онъ, въ сопровожденіи жандарма, прошелъ мимо моей камеры въ уборную, находившуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ площадки и я скоро услышалъ шумъ, грохотъ, возню и доносившіеся изъ уборной крики:

— Доктора! На помощь! Доктора! . . .

Прибѣжали нѣсколько человѣкъ. Шумъ продолжался еще минутъ пять, а затѣмъ все стихло. Мясоѣдова на рукахъ перенесли въ его камеру.

Чтобы узнать о причинѣ переполоха, я направился въ уборную. Здѣсь на полу я увидалъ лужу крови, что явилось результатомъ, какъ потомъ выяснилось, покушенія Мясоѣдова на самоубійство.

Войдя въ уборную, Мясоѣдовъ захлопнулъ за собою дверь и закрылъ ее на крючекъ, прежде чѣмъ жандармъ успѣлъ опомниться. Снявъ затѣмъ оставленное при немъ пенснэ, онъ переломалъ пополамъ стальную пружину и ею пытался перерѣзать сонную артерію. Это ему не удалось и, сдѣлавъ на шеѣ, отъ затылка до горла, рядъ глубокихъ прорѣзовъ, онъ только оцарапалъ самую артерію.

На крики жандарма прибѣжалъ смотритель. Дверь была сломана и послѣ небольшой борьбы, Мясоѣдовъ былъ отнесенъ въ камеру, гдѣ ему сдѣлана была перевязка.

Казнь состоялась въ дѣйствующей арміи на разсвѣтѣ.

Военно-полевой судъ засѣдалъ около $2^1/_2$ часовъ. Мясоѣдову были прочитаны всѣ собранные противъ него обвинительные матеріалы. Данныя слѣдствія были настолько изобличающаго характера, что Мясоѣдовъ даже не пробовалъ защищаться и послѣ прочтенія каждаго обвинительнаго пункта вставалъ и громко заявлялъ:

— Признаю себя виновнымъ.

По прочтеніи обвинительнаго акта, предсѣдатель военно-полевого суда спросилъ Мясоѣдова, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе.

Мясоѣдовъ отвѣтилъ, что по существу обвиненія онъ ничего не можетъ возразить, такъ какъ дѣйствительно состоялъ шпіономъ въ пользу Германіи и организовалъ сѣть шпіонскихъ организацій для добыванія секретныхъ матеріаловъ.

Далѣе Мясоѣдовъ перешелъ къ оправданію своей преступной дѣятельности, къ изложенію такъ сказать философіи шпіонства.

Онъ заявилъ, что имъ руководили не корыстныя цѣли, а высокія цѣли монархиста, стремившагося охранить самодержавіе русскаго царя. Мясоѣдовъ считалъ, что послѣ войны въ Россіи должна была вспыхнуть революція, которая непремѣнно повлечетъ за собою сверженіе царя. Считая Германію оплотомъ монархической идеи, Мясоѣдовъ

полагалъ, что Вильгельмъ II, побѣдивъ Россію, сумѣетъ удержать тронъ Николая II.

Закончивъ свои объясненія, Мясоѣдовъ обвелъ глазами своихъ судей и, замѣтивъ на ихъ лицахъ ироническую улыбку, воскликнулъ:

— Какіе же вы царскіе слуги, если въ васъ возбуждаютъ усмѣшку мои слова о царѣ?

При вторичномъ вопросѣ предсѣдателя военно-полевого суда: не можетъ ли онъ еще что либо сказать въ свое оправданіе, Мясоѣдовъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Затѣмъ былъ вынесенъ приговоръ, заключавшійся словами:

„Предать смертной казни черезъ повѣшеніе".

Черезъ 24 часа приговоръ былъ конфирмованъ.

Въ 5-мъ часу утра недалеко отъ салонъ-вагона, гдѣ жилъ Николай Николаевичъ, выстроились спеціальныя воинскія части. Здѣсь были представители всѣхъ родовъ оружія. Воинскія части образовали кругъ, внутри котораго находился эшафотъ.

Передъ совершеніемъ казни солдатамъ было объявлено, кого и за что предаютъ смерти.

Въ 6 часовъ утра къ мѣсту казни былъ доставленъ Мясоѣдовъ.

Когда палачъ подвелъ его къ эшафоту, Мясоѣдовъ блуждающимъ взоромъ окинулъ собравшихся и заплетающимся языкомъ закричалъ: „Дальше не пойду, хочу еще жить!"

Палачъ схватилъ Мясоѣдова за руки и насильно потянулъ къ эшафоту. Мясоѣдовъ, обладавшій большой физической силой, оттолкнулъ палача.

Въ концѣ концовъ Мясоѣдовъ былъ втащенъ на эшафотъ и связанъ.

Черезъ нѣсколько минутъ казнь была закончена. Врачи констатировали смерть. Былъ составленъ соотвѣтствующій протоколъ.

Трупъ шпіона былъ завернутъ въ брезентъ и на дрогахъ вывезенъ за городъ, гдѣ и преданъ землѣ.

Новыя изданія:

Програмы политическихъ партій подъ ред. и съ предисловіемъ С. С. ЗАКА	ц. — р. 50 к.
Программа Соціалистовъ-Революціонеровъ	ц. — р. 15 к.
Программа Труд. Народно-Соціалистич. Партіи	ц. — р. 10 к.
Программа Соціалъ-Демократической рабочей партіи.	ц. — р. 10 к.
Трудовому народу объ Учредительномъ Собраніи С. С. ЗАКА	ц. — р. 5 к.
Учредительное Собраніе и его задачи А. ЛИСЯНСКАГО	ц. — р. 35 к.
Суверенитетъ народа и Учредительное Собраніе Е. ГОРСКАГО	ц. — р. 3 к.
Какъ выбирать депутатовъ въ Учредительное Собраніе Г. Д-НА	ц. — р. 20 к.
Демократическая Республика или Конституціонная Монархія	ц. — р. 15 к.
Какъ возникло на руси Самодержавіе	ц. — р. 15 к.
Земскіе Соборы. Исторія Земскихъ Соборовъ С. АВАЛІАНИ	ц. 1 р. 50 к.
Кто и какъ нами управлялъ до переворота Г. Д-НА	ц. — р. 20 к.
Какъ царь Николай лишился мѣста (сказка въ стихахъ) Э. КРОТКАГО	ц. — р. 20 к.
Разсказы изъ Русской исторіи ШИШКО въ 3-хъ частяхъ I ч.	ц. — р. 80 к.
Какъ уравнять пользованіе землей. ВИХЛЯЕВА	ц. — р. 30 к.
Соціализмъ и аграрный вопросъ С. С. ЗАКА	ц. 1 р. — к.
Декларація правъ человѣка и гражданина Е. ГОРСКАГО	ц. — р. 25 к.
Пѣсни Революціи	ц. — р. 20 к.

И МНОГО ДРУГИХЪ КНИГЪ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ:

Книжный магазинъ **А. А. Ивасенко,** п./ф. „Одесскія Новости"
Дерибасовская, 20. Тел. 24-20.

Книжный магазинъ „ТРУДЪ", Дерибасовская, 25.
Тел. 19-28.

